

ПО СЛЕДАМ АРТИСТА

К 70-летию со дня рождения Халила Абжалилова

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ республики отмечает 70-летие выдающегося татарского актера, народного артиста Советского Союза Халила Галеевича Абжалилова. За свою долгую сценическую жизнь он создал незабываемые характеры в комедиях, сатирах, драмах и трагедиях. В каждом образе артист нес мысль, отмеченную глубокими раздумьями.

Бессмертны его веселый и находчивый Хужа Насретдин, обремененный тягостью невзгод крестьянин Биктимир, хитрый хищник Сиражетдин, забитый Тихон Кабанов и многострадаальный Лир.

Деятельность Абжалилова пока еще изучена не полностью. Она требует к себе пристального внимания исследователей. Желание восполнить некоторые страницы творческой биографии артиста заставило Х. Кумыснинова совершить поездку в Среднюю Азию по следам Х. Г. Абжалилова.

Ниже мы предлагаем вниманию читателей некоторые страницы о Халиле Галеевиче из книги, над которой сейчас работает кандидат искусствоведения Халит Кумыснинов.

В Ташкенте Джалилов (Абжалилов) отправился в штаб Туркестанского фронта. Штаб помещался далеко от вокзала, и Халил потратил немало времени, чтобы добраться до него. Это было двухэтажное светлое здание.

Дежурный с красной повязкой долго и сосредоточенно проверял документы Халила, с трудом разбирая их содержание. Наконец, он возвратил их и указал на второй этаж. Политотдел находился в самом конце длинного коридора. В комнатах стоял деловой напряженный гул. Где-то равномерно стучала машина.

Халил открыл дверь и вошел. После темного коридора ярко освещенный солнцем кабинет начальника политотдела заставил Халила зажмуриться.

— Вы ко мне? — Халил открыл глаза. Перед ним стоял сероглазый парень в черной косоворотке. Джалилов молча подал документы. Сероглазый ознакомился с ними и предложил сесть:

— Вам, товарищ Джалилов, придется поехать в Бухару и организовать там

спектакли для красноармейцев-татар. — А актеров вы мне дадите?

— Актеров? Вот вам и герон-любовники! — весело ответил сероглазый, показывая на входящих мужчину и молодую женщину.

— Знакомьтесь, друзья. Артист Халил Джалилов из Оренбурга. Уполномочен Реввоенсоветом. Поедет с вами в Бухару. Будет организовывать там театр.

— Субаев.

— Афиша Уральская.

— Ну, что же, товарищи: в добрый путь!

Вокзал встретил их глухим гулом.

...Бухара выросла как бы из песка, неожиданно. Перед взором трех странников открылась огромная крепость, в центре которой высился минарет Калян, прозванный в народе башней смерти. По преданию, с этой высокой башни эмир сбрасывал не угодных ему людей. В город вошли через западные ворота. Улицы узкие, без домов; здесь каждый двор

был крепостью, обложенной высокой стеной.

Смеркалось. На улицах — ни души. Только иногда возникала какая-то тень, и тотчас скрывалась. Улице не было конца. Она упиралась в стену и сворачивала; впереди был тупичок, от которого дорога шла вправо.

Неожиданно вышли к тому месту, откуда начали свой путь. Долго бродили посланники штаба Туркфронта по лабиринту бухарских улиц, пока, наконец, не очутились там, где протекал большой арык. Навстречу им шли седобородые старики. Только что окончился вечер-

ний намаз. На вопрос пришельцев, как найти комендатуру, был молчаливый недобрый взгляд многих глаз. «Это не к добру» — подумал Халил.

Их устроили в хужре, двух кельях, ранее занимаемых шакирдами медресе. Хужра была маленькая и неудобная. Окно — без рам, плотно закрываемое на ночь дверцей.

— Вероятно, чтобы не влез скорпион, — подумал Халил.

Он постелил на холодный пол камышовый коврик и крепко уснул.

Утром отправились на главную площадь города Регистан, где, по преданию, назидали знаменитого Авиценну. Над бывшей эмирской крепостью Арк развевался флаг. Площадь была заполнена красноармейцами. Кто-то произносил пламенную речь.

Слышались обрывки фраз: «Осадное положение». «Эмирского ига», «Ленин». Многотысячное «ура» прокатилось по рядам.

Прошло несколько дней. Халила Джалилова вызвали в Реввоенсовет. Его принял комиссар Еникеев. Он дружелюбно встретил земляка и тут же перешел к делу.

— Халил, дорогой, ты знаешь, бойцы изголодались по театру. Надо немедленно поставить спектакль или же дать концерт. Скажи, что ты можешь сделать?

— Я не знаю. Подумать надо.

— Ты привез с собою пьесы?

— Новых пьес совсем нет. Есть только две драмы «Надир шах» и «Галиябану».

— «Надир шах» пока ставить не будем. А вот «Галиябану» стоит показать. Пусть наши бойцы увидят, как жил татарский народ до революции и как его эксплуатировали буржуа. Давай, ставь. Если не хватит артистов, бери из моей бригады.

Под будущий театр отвели здание пассажа. При эмире здесь находился

торговый центр Бухары. Второй этаж пассажа был отгорожен конторками и служебными помещениями. Там все находилось в беспорядке. Халил попросил дать ему на подмогу несколько красноармейцев и вместе с ними приступил к делу. Сломали все перегородки и устроили большой зал на триста человек. Из досок сделали длинные скамьи и сценические подмостки. Через неделю приступили к репетициям драмы Мирхайдара Файзи «Галиябану». На главную роль Халил пригласил Афишу. На роль матери пригласили старого бойца, некогда участвовавшего в любительском кружке. Субаев согласился сыграть Исмагиля. Труднее было подобрать актера на роль Халила. Но при помощи Еникеева нашелся и герой. Джалилов играл старика Бадри.

Через несколько дней красноармейцы с удивлением и любопытством читали афишу, написанную фиолетовыми чернилами. Вскоре весть о том, что будет показан спектакль «Галиябану» разнеслась по всему гарнизону.

Тем, кто не знал, что такое театр, объясняли, рассказывали с большим интересом и удовлетворением.

Зал не мог вместить и десятой доли всех желающих. Поэтому решили давать в день по несколько спектаклей. Занавес открылся в 8 часов утра и в последний раз закрылся в 11 часов ночи. В первый день премьеры дали пять спектаклей. И еще столько было на следующий день. У актеров слипались глаза; усталые, они валились с ног. Но играть надо. Только сверхъестественная воля заставляла их действовать.

Зрители с волнением следили за судьбой героев. Они особенно полюбили красивую чернобровую Галиябану. Однажды на одном спектакле Бадри очень сильно ударил свою дочь Галиябану за отказ выйти замуж за богатого жениха. Она вскрикнула. Возмущенный гул проносился по рядам зрителей, кто-то выдтре-

лил. Тогда приостановили действие, и командир отряда объяснил, что Бадри был не по-настоящему. Если не верите, спросите Галиябану.

— Просим, просим! — закричали из зала.

На сцену вышла улыбающаяся Галиябану и сказала, что ей нисколько не больно и просила товарищей красноармейцев не беспокоиться. А Бадри — переодетый актер Халил Джалилов, очень хороший человек и обижать никого не собирается.

После спектакля красноармейцы заходили к актерам за кулисы и крепко жали им руки, выражая свою огромную благодарность. Муллы и ишаны враждебно относились к театральным постановкам, и местные жители, боясь проклятия, не посещали спектакли.

Часть жителей была напугана набегам басмачей, беспрестанными ночными перестрелками. Город все еще находился на военном положении. Басмачи свирепствовали в Бухарской и Хорезмской республиках. Во главе басмачества стоял бывший турецкий министр Энвер-паша, которого бухарский эмир Сеид-Алим-хан провозгласил главнокомандующим всеми войсками ислама. На улицах города начали появляться басмачи. Они прощали в дома и расправлялись с не угодными им людьми.

Однажды ночной патруль задержал подозрительную фигуру. Ее привели в комендатуру. Фигура оказалась артистом военного театра Х. Джалиловым. Город был объявлен на военном положении с 28 августа 1920 года, и хождение разрешалось только до 22 часов по местному времени. Но Халил этого не знал. Тогда управление коменданта города новой Бухары выдало Х. Джалилову удостоверение в том, что ему разрешается хождение по городу в ночное время по делам службы.

Халит КУМЫСНИКОВ.